

capital punishment. Different individuals and diverse cultures may have different ways of thinking about these topics. But any moral approach to thinking about these issues would have to begin with some principle of altruistic concern.

Morality is often connected with religion. Religions do command us to observe the Golden Rule, which is an altruistic principle. But religious exhortation is not especially helpful at improving the moral capacities of humankind. We also need to find concrete ways to provide for the material conditions for moral development. Morally healthy individuals develop within thriving moral communities in which there are resources that help people to become physically, emotionally, and psychologically healthy. The key to moral improvement is thus to provide resources that allow for better physical and mental health, which in turn helps us develop empathy and altruistic concern. Unfortunately, poverty – in a variety of senses – plagues humankind: financial, intellectual, and even emotional poverty. Current social conditions often point us in the wrong direction – toward self-interest, greed, and isolation. The result is a growing number of unhappy, unhealthy, and immoral individuals.

Altruistic concern is the key to morality. This is true across cultures and even across species. But scarcity of resources and competition can warp the basic altruism of social animals. The study of morality reminds us to take care to organize our individual and social lives in such a way as to encourage empathy and concern for the well-being of others.

Эндрю Фиала¹

Мораль – это система идей о том, как люди должны жить. Это комплекс стандартов, которым должно следовать для того, чтобы вести достойную (good) жизнь.

Мораль не обязывает нас следовать нереалистичному стандарту. И Кант напоминал нам, что «должен» предполагает «можешь». Что бы мы ни должны были совершать, мы также должны быть в состоянии это совершить: существует возможность говорить истину, быть верным, заботиться о нуждающихся. Такое поведение не всегда легко осуществить, но оно не является невозможным.

¹ Эндрю Фиала — профессор философии университета штата Калифорния в Фресно, а также директор Центра этических исследований в университете штата Калифорния в Фресно. Автор книг “Public War, Private Conscience” (2010), “The Just War Myth” (2008), “What Would Jesus Really Do?” (2007), “Tolerance And The Ethical Life” (2005), “Practical Pacifism” (2004), “The Philosopher’s Voice” (2002).

Конечно, люди часто оказываются неспособными жить в соответствии с моральными стандартами. Если бы все мы уже были хорошими, мы могли бы не беспокоиться о морали: быть хорошим означало бы делать то, что мы всегда и так делаем, а не то, что мы «должны» делать. Но человеческие существа совершают ошибки, уступают искушению, потакают лени. Некоторые – преступники, психопаты и т.п. – имеют серьезные моральные недостатки. В нормальных людях моральная несостоятельность ведет к переживанию вины, угрызениям совести, сожалению и раскаянию. Эти переживания предполагают наличие морального стандарта, и мы осознаем, что он налагает на нас требования.

Откуда берутся такие стандарты? Возможно, они всецело являются продуктами общества – правила навязаны нам обществом и внедрены в совесть или в фрейдовское Супер-Эго. Такое понимание может привести нас к релятивизму, к идее, что мораль представляет собой всего лишь культурный артефакт. Релятивисты утверждают, что нормативные структуры зависят от культуры, контекста, перспективы и т.д. или ограничены всем этим. Релятивизм являет собой вид скептицизма, утверждающий, что либо мы не можем знать никаких трансцендентных конкретной культуре норм, либо что таких трансцендентных норм вообще не существует. Проблема релятивизма состоит в том, что он не предлагает никакого пути поиска основания для морального диалога между культурами или людьми, занимающими разные позиции. Релятивизм соскальзывает в субъективизм – солипсистский тупик морали.

Начиная с Сократа моральные философы задумывались над тем, есть ли нечто объективное или реальное в морали, что поможет нам избежать таких скептических тупиков. Я склонен принять три взаимосвязанные идеи, касающиеся того, как можно определить некоторое объективное содержание морали. Во-первых, мы можем посмотреть на все мировые культуры и попытаться понять, существует ли какая-то норма или комплекс норм, действующие в разных контекстах. Во-вторых, мы можем посмотреть на человеческую жизнь в биологическом, социальном и психологическом аспектах, чтобы понять, существует ли некоторая естественная основа, которая порождает транскультурное содержание морали. В-третьих, мы можем рассмотреть структуру моральных понятий и языка.

Последний подход является наиболее философским. Отчасти это кантианский подход, согласно которому моральные максимы следует понимать как учреждающие универсальные нормы. Однако, начиная с Гегеля, стало очевидно, что формальная моральная логика должна быть наполнена содержанием, которое обеспечивается обществом или природой, что возвращает нас к первым двум подходам.

По поводу этих двух идей возникает одно беспокойство, оно порождено тем, что каждая может привести к неверному выведению «должно» из «есть». Однако такое выведение не всегда ошибочно. Разрыв есть/должно преодолевается, например, в дискуссиях о здоровье. Здоровый человек ведет себя и функционирует как «нормальный» представитель рода с учетом экологической ниши и психологии этого рода. Живые существа процветают, когда они адекватно функционируют как биологические, социальные и психологические системы. Такое натуралистическое объяснение морали восходит к Аристотелю. Оно получило развитие в современной социобиологии, психологии и антропологии.

Из естественных наук мы узнаем, что некоторая базовая форма альтруизма имеет важнейшее значение для нормального человеческого процветания. Индивиды процветают, когда они принимают во внимание других индивидов. Здоровые человеческие существа ведут себя именно так в существенно различающихся культурах. Мы обнаруживаем альтруистическое поведение даже у других видов общественных животных. Признаком надлежащего функционирования мозга, познавательного и эмоционального развития является эмпатическая сонастроенность мозга/разума и более осознанных форм альтруистической заботы. Общественные животные должны воспринимать чувства других и принимать эти чувства во внимание. Кто лишен эмпатии и не способен к альтруистической заботе, оказывается ущербным, нездоровым и не является нормальным.

Здесь «должно» альтруизма укоренено в нормальном функционировании человеческих обществ и общественных животных вообще. Общества и культуры переживают расцвет, когда их члены проявляют эмпатию и альтруизм. Индивиды процветают, когда в совместных общественных начинаниях они способны к общению с другими индивидами. Мы должны развивать наши альтруистические и эмпатические способности, поскольку это помогает нам и как индивидам, и как биологическому виду жить хорошо.

Более того, как утверждал П. Сингер, круг нашей заботы должен постепенно расширяться. Мы начинаем с заботы о собственных друзьях и членах своей семьи и стремимся к заботе о человечестве вообще, а возможно даже к большему – к буддистскому состраданию всем живым существам. Это достаточно общее объяснение морального развития можно подвергнуть той же критике, которой Гегель подверг кантовское понятие морали: ее содержание остается неясным. Один лишь принцип заботы о человечестве не говорит нам ничего конкретного о таких спорных проблемах, как аборт, эвтаназия или смертная казнь. Разные индивиды и разные культуры могут по-разному мыслить об этих проблемах. Но любой моральный подход к ним должен опираться на некоторый принцип альтруистической заботы.

Мораль часто связывают с религией. Религии требуют следовать золотому правилу, в котором выражен альтруистический принцип. Но религиозное наставление не особенно полезно с точки зрения совершенствования моральных способностей человечества. Морально здоровые индивиды развиваются в процветающих моральных сообществах, где имеются ресурсы, помогающие людям становиться физически, эмоционально и психологически здоровыми. Таким образом, обеспечение ресурсов, способствующих улучшению физического и душевного здоровья, которое в свою очередь позволяет нам развивать эмпатию и альтруистическую заботу, является ключевым для морального совершенствования. К сожалению, бедность в разных смыслах – финансовая, интеллектуальная и даже эмоциональная – изнуряет человечество. Современные общественные условия часто указывают нам неправильное направление – личный интерес, жадность и изоляцию. В результате становится все больше несчастных, больных и безнравственных индивидов.

Альтруистическая забота является определяющей для морали. Это справедливо и в отношении разных культур и даже биологических видов. Однако недостаток ресурсов и конкуренция могут деформировать изначальный альтруизм общественных животных. Исследование морали напоминает нам о необходимости организовывать нашу индивидуальную и общественную жизнь таким образом, чтобы она побуждала к эмпатии и заботе о благополучии других.

Перевод с английского О. Артемьевой

Scott Forschler¹

Moral values are a kind of value, so understanding morality requires understanding valuation. Values are not, in the first instance, things we find, but things we create: valuation is something that we, as animals, *do*. In response to its energy levels, a dog values eating food; on seeing a fox, a squirrel disvalues the fox's presence, and values its own ascent of the nearest tree. Humans too value things in response to some set of triggers or input conditions, which can include complex combinations of current stimuli, memories, and awareness of our internal states.

¹ Scott Forschler received his PhD in philosophy from the University of Minnesota. His specialty is the foundations of ethics in practical reasoning, and the nature of universalization and supervenience principles in morality.